

Абрахам Маслоу МОТИВАЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Перевод А.М.Татлыбаевой

Глава 13. ПОЗНАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ОБЩЕГО

ВСТУПЛЕНИЕ

Изучение любого переживания, любого типа поведения и любого индивидуума может быть произведено двумя способами, с использованием одного из двух подходов. Психолог либо изучает переживание (поведение, человека) в его целостности и неповторимости, как уникальное и самобытное явление, отличное от любого другого явления в мире, либо он относится к нему как к типичному переживанию, представляющему тот или иной класс, ту или иную категорию переживаний. Второй способ изучения, собственно говоря, нельзя даже назвать "изучением" в строгом смысле этого слова, потому что в данном случае психолог не исследует явление, не воспринимает его во всей его полноте, – его действия подобны действиям клерка, который, пробежав документ глазами, тут же определяет ему место в каталоге, заносит его в соответствующую рубрику. Деятельность такого рода я называю "рубрификацией". Те, кто питают неприязнь к неологизмам, могут использовать другое название – "абстрагирование по типу Бергсона⁴⁵ и Уайтхеда" (475). Именно эти два мыслителя особенно подчеркивали опасность абстрагирования.⁴⁶

К необходимости четко обозначить границы, отделяющие эти два способа познания, нас подталкивает анализ теоретических концепций, составляющих базис современной психологии. В американской психологии отмечаются следы опасной тенденции: психологи чаще всего склонны воспринимать реальность как нечто постоянное и дискретное, им проще расчленить действительность на множество отдельных, не связанных между собой феноменов и изучать каждый из них по отдельности, как некую четко очерченную категорию. Им в тягость выявлять сложный паттерн внутренних взаимосвязей психологического феномена, проследить его динамику и развитие. Другими словами, они воспринимают реальность не как процесс, а как состояние. Очень многие слабости и ошибки академической психологии объясняются именно этой слепотой к динамическому и холистическому аспектам реальности. Однако, честно говоря, даже столь трагичное положение дел в современной психологии не позволяет нам противопоставлять один подход другому, не вынуждает отдавать предпочтение одной крайности в ущерб другой. Не стоит забывать, что реальность не только изменчива, но и постоянна, что ее характеризуют не только различия, но и сходства, что холисти-чески-динамический подход может быть столь же однобоким и схоластичным,

как и статистически-атомистский подход. Если я берусь толковать о преимуществах одного подхода и принижая значимость другого, то лишь потому, что считаю необходимым восстановить нарушенный баланс.

Проблему познания и проблему перцептивно-когнитивных процессов, поднимаемые в данной главе, мы будем обсуждать в свете приведенных выше теоретических соображений. Я очень надеюсь, что мне удастся передать читателю хотя бы малую толику своей убежденности в том, что многие из процессов, которые принято относить к сфере перцептивно-когнитивной активности, на самом деле не таковы, а представляют собой лишь суррогат познания, неумелые уловки, с помощью которых ограниченный человек пытается обуздать изменчивую реальность, не желая признавать факта ее непостоянства. Реальность изменчива, а сознание среднестатистического представителя западной цивилизации способно познавать ее только в статике, только в неизменности. В результате этого диссонанса наше восприятие, внимание, научение, запоминание и мышление, как правило, обращается не к реальности как таковой, оперирует не ее категориями, а выхолощенными абстракциями и сугубо теоретическими конструкциями.

Мне не хотелось бы быть обвиненным в огульном неприятии абстрагирования и концептуализации, и потому сразу же оговорюсь, что человечество вряд ли смогло бы выжить, не обладая способностью к обобщению и абстрагированию. Но всякая абстракция должна опираться на эмпирический опыт, должна быть наполнена эмпирическим содержанием, в противном случае смысла в ней не больше, чем в мыльном пузыре. Абстракции должны произрастать на почве конкретной реальности, глубоко уходя в нее своими корнями. Они должны иметь конкретное наполнение, не должны превращаться в игру пустых слов и наукообразных терминов. В этой главе мы поговорим о патологическом абстрагировании, о "редукции к абстрактному" и о тех опасностях, которые оно таит в себе.

РУБРИФИКАЦИЯ В ПРОЦЕССАХ ВНИМАНИЯ

Говоря о внимании как о самостоятельном перцептивном процессе, отличном от восприятия как такового, мы, таким образом, подчеркиваем селективный, подготовительный, организующий, мобилизующий характер этого процесса. Акт внимания может отличаться от акта чистого, свежего восприятия, который всецело детерминирован природой воспринимаемой реальности. Предпосылки для акта внимания могут находиться не только в природе реальности, но и в индивидуальной природе организма, в интересах человека, в его мотивах, предубеждениях, прошлом опыте и т.д.

Однако в контексте нашей дискуссии уместно было бы провести различия не столько между процессами внимания и восприятия, сколько между двумя диаметрально противоположными типами внимания. О внимании можно говорить либо как о свежей, самобытной реакции индивидуума на уникальные свойства объекта, либо как о попытке

индивидуума подчинить внешнюю реальность некоей предустановленной в сознании индивидуума классификации. Во втором случае мы имеем дело не с познанием мира, а с распознаванием в нем тех черт, которыми мы сами же и наделили его. Такого рода "познание" слепо к динамике, к флуктуациям и новизне, это скорее рационализация прошлого опыта, попытка сохранить status quo. Сохранить status quo можно, обращая внимание только на знакомые аспекты реальности или же облекая новые формы реальности в знакомые очертания.

Положительные и отрицательные стороны рубрифицированного внимания одинаково очевидны. Ясно, что рубрификация позволяет проще относиться к объекту, позволяет не перенапрягать внимание. Рубрификация гораздо менее утомительна, чем истинное внимание, она не требует от организма напряжения и усилий, не требует мобилизации всех ресурсов организма. Концентрация внимания, необходимая для верного восприятия и сущностного понимания важной или незнакомой проблемы, чрезвычайно утомительна, и потому человек редко позволяет себе такую роскошь. Примерами рубрифицирующего внимания могут стать чтение "по диагонали", краткие сводки новостей, дайджесты, "мыльные оперы", разговоры о погоде. Очень часто мы отдаем предпочтение всему вышеперечисленному в стремлении избежать столкновения с реальными проблемами, соглашаясь ради этого даже на стереотипные псевдорешения.

Рубрифицированное внимание не воспринимает объект в его целостности, оно обращено лишь к той его характеристике, которая может послужить для отнесения объекта в ту или иную категорию. Рубрификация дает человеку возможность автоматизировать поведение, возможность для рефлексивного исполнения простых действий, что в свою очередь помогает сберечь энергию для осуществления более сложных поведенческих актов, позволяет заниматься несколькими делами одновременно. Другими словами, человек освобождается от необходимости замечать уже известное, он уже не должен быть столь бдительным, он оставляет эту обузу рубрифицированному вниманию, исполняющему обязанности швейцара, привратника, официанта, лифтера и прочих людей в униформе.⁴⁷

Но тут же перед нами во весь рост встает следующий парадокс. Несмотря на то, что мы склонны не замечать нового, отвергать то, что не укладывается в имеющийся набор рубрик, именно оно, это новое, необычное, незнакомое, опасное, угрожающее притягивает к себе особое наше внимание. Незнакомый стимул может быть нейтральным (новые занавески на окне), но может таить в себе угрозу (крик в темноте). Больше внимание притягивают к себе "опасно-незнакомые" стимулы, гораздо меньше внимания мы уделяем стимулам "безопасно-знакомым". "Безопасно-незнакомые" стимулы либо привлекают к себе умеренную долю нашего внимания, либо мы заставляем их стать "безопасно-знакомыми", то есть рубрифицируем их.⁴⁸

Эта любопытная тенденция, выражающаяся в том, что новые стимулы либо вовсе не привлекают нашего внимания, либо приковывают его, наводит меня на весьма интересные размышления. Мне кажется, что большая часть нашего (не слишком здорового) населения склонна обращать внимание только на угрожающие стимулы, как если бы функция внимания состояла исключительно в том, чтобы предупредить нас об

опасности и запускать реакцию бегства. Мы не замечаем явлений, не представляющих угрозы, словно эти явления не заслуживают нашего внимания или любой другой реакции, когнитивной или эмоциональной. Таким образом, сама жизнь представляется либо вечным столкновением с опасностью, либо передышкой между угрожающими ситуациями, следующими одна за другой.

Но есть и иные люди, люди, совершенно иначе вззирающие на эту жизнь. Обладая базовым чувством безопасности и уверенностью в себе, они могут позволить себе такую роскошь, как наслаждение жизнью. Их внимание не зашорено задачей выживания, эти люди способны воспринимать жизнь во всем ее многообразии, они умеют испытывать приятное возбуждение, радость и восторг. Подобного рода позитивная установка, неважно, умеренно она выражена или интенсивно, сопровождается она легким возбуждением или головокружительным экстазом, столь же мощно, как и реакция на угрозу, мобилизует вегетативную нервную систему, задействует висцеральные и другие функции организма. Основное различие между позитивной реакцией и реакцией на угрозу состоит в том, что одна несет с собой приятные переживания, в то время как другая – одни лишь неприятные ощущения. Можно сказать иначе – одни люди пассивно приспосабливаются к реальности, тогда как другие способны радоваться жизни и активно взаимодействовать с действительностью. Главным фактором столь различного отношения к жизни выступает, по-видимому, душевное здоровье. Внимание высокотревожных людей может быть возбуждено главным образом критическими ситуациями, ситуациями угрозы, эти люди воспринимают мир исключительно в терминах "опасность-безопасность".

Пожалуй, абсолютной противоположностью рубрифицирующему вниманию служит так называемое "произвольное внимание", о котором говорил Фрейд.⁴⁹ Заметьте, Фрейд советует терапевту слушать пациента пассивно, ибо активное внимание замутняет восприятие реальности, собственные ожидания терапевта по отношению к реальности могут заглушить ее голос, особенно если он слаб и невнятен. Фрейд рекомендует пассивно и смиренно внимать голосу реальности, подчинить свое восприятие внутренней природе воспринимаемой реальности. Это значит, что к любому явлению мы должны относиться как к уникальному и неповторимому, не пытаясь втиснуть его в рамки теории, схемы или концепции, напротив, подчиняясь его собственной природе. Другими словами, Фрейд советует нам встать на позицию проблемоцентризма в противовес эгоцентризму. Если мы хотим воспринять эмпирический опыт *per se*, постичь его сущность, мы должны стряхнуть с себя ограничения собственного Я, освободиться от своих надежд, ожиданий и страхов.

В контексте нашей дискуссии любопытно было бы оценить затасканное противопоставление художника ученому. Настоящий ученый и настоящий художник совершенно по-разному воспринимают реальность. Ученый стремится классифицировать ее – всякое новое явление он соотносит с другими, уже известными ему, старается найти для него место в единой картине мира, пытается выявить его общие и частные аспекты, на основе которых дает определение этому явлению, обозначает его тем или иным понятием, навешивает на него ярлык, то есть классифицирует его. Художник же, если он истинный художник, как разумели это

понятие Бергсон, Крос и др., заинтересован единственной в своем роде, самобытной природой представшего его взору явления. Во всем он видит особость. Каждое яблоко для него уникально, каждый человек, каждое дерево и каждая гипсовая голова воспринимаются им в их неповторимом своеобразии. По меткому выражению одного критика, художник "видит то, на что другие только смотрят". Ему не интересна процедура классификации, он не раскладывает по полочкам свои впечатления, не систематизирует их. Задача художника состоит в том, чтобы сохранить впечатление от реальности и затем перенести его на холст, запечатлеть его так, чтобы другие, менее восприимчивые люди могли получить столь же свежее впечатление, какое получил он. Хорошо сказал Симмел: "Ученый видит, потому что знает, тогда как художник знает, потому что видит."⁵⁰

Хочу поделиться еще одним наблюдением, которое находится в прямой связи с предложенным нами разграничением. Люди, которых я называю истинными художниками, отличаются от обычных людей по меньшей мере одной способностью. Они умеют любой чувственный опыт, будь то закат солнца или цветок, встречать с таким восторгом, с таким восхищением и трепетным вниманием, как если бы это был первый в их жизни закат или первый увиденный ими цветок. Среднестатистическому человеку достаточно пару раз встретиться с чудом, чтобы привыкнуть к нему, в то время как истинный художник не устает удивляться чуду, даже если сталкивается с ним каждый день. "Из всех людей, не устающих удивляться миру, он единственный видит его красоту".

РУБРИФИКАЦИЯ И ВОСПРИЯТИЕ

Понятие "стереотип" находит широкое применение в социальной психологии, в частности, когда речь заходит об установках и предубеждениях, но его с таким же правом можно применить и в отношении такого базового психического процесса, как процесс восприятия. Восприятие далеко не всегда представляет собой простое поглощение информации или регистрацию обстоятельств. Гораздо чаще оно совершает более глубокие преобразования реальности, оно классифицирует ее, присваивает событиям и явлениям имена, и потому, по крайней мере, относительно человека, правильнее было бы говорить не о "восприятии", а о каком-то более активном действии. Восприятие при помощи стереотипов, или рубрифицирующее восприятие так же изобилует различного рода клише, как и наша речь.

Представим ситуацию знакомства. Когда нам представляют незнакомого нам человека, у нас есть возможность попытаться воспринять и понять его уникальность, его непохожесть на остальных людей, живущих в этом мире. Но почему-то, как правило, мы не стремимся к этому, мы не воспринимаем человека, а обозначаем его для себя как представителя той или иной категории людей. Глядя на китайца, мы говорим себе: "Это китаец" – и нам уже нет никакого дела до этого конкретного Ла Ма Ванга с его желаниями, мечтами, амбициями и страхами, столь непохожими на желания и страхи его брата или отца. Или мы говорим себе: "Это миллионер", "Это представитель среднего

класса", или: "Это дитя", "Это еврей", "Это негр", "Это старик".⁵¹ Словом, приходится признать, что наше восприятие вместо того, чтобы подобно кинокамере запечатлеть образ человека, ведет себя как умелый клерк, который знает, как обращаться с бумагой, глядя на входящий или исходящий номер в уголке.

Мы вправе говорить о рубрикации, когда воспринимаем:

Знакомое и банальное, но не желаем воспринимать незнакомое и оригинальное;

Схематизированное и абстрактное, но не желаем воспринимать конкретное;

Организованное, структурированное и однозначное, но не желаем воспринимать хаотичное, неорганизованное и многозначное;

Определенное и определяемое, но не желаем воспринимать неопределенное и неопределимое;

Целенаправленное и осмысленное, но не желаем воспринимать бесцельное и бессмысленное;

Конвенциональное, но не желаем воспринимать неконвенциональное;

Ожидаемое, и не хотим замечать неожиданное.

Мало того, сталкиваясь с явлением незнакомым, конкретным, многозначным, неопределенным, непонятным, неконвенциональным или неожиданным, мы предпринимаем все возможные уловки для того, чтобы увидеть в нем черты знакомого, абстрактного, организованного и т.д., мы втискиваем его в прокрустово ложе удобного нам результата. Нам гораздо проще обходиться с явлением как с представителем некой категории, нежели попытаться увидеть его "в его собственном праве", воспринять его как самобытное и неповторимое.

Следы этой склонности можно обнаружить, если какое-то время поработать с тестом Роршаха, о ней упоминается в литературе, посвященной гештальт-психологии, проективным тестам и теории искусства. Хайакава (99, р. 103) описывает одного учителя рисования, который "ругая своих учеников, говорит, что им не удастся рисунок руки, потому что они думают о конкретной руке как о руке вообще, потому что знают, какой должна быть человеческая рука". Замечательные примеры можно найти также в книге Шахтела (410).

Очевидно, что нежелание познать конкретный объект обусловлено стремлением поскорее поместить его в уже сконструированную систему категорий. Истинное восприятие, которое охватывает объект целиком, впитывает его в себя и проникается им, требует гораздо большего времени и гораздо больших усилий, чем простое рубрифицирование. Ярлык можно приклеить за пару секунд и всю оставшуюся жизнь ошибаться, глядя на него.

Именно потому, что рубрификация может быть произведена за несколько секунд, рубрифицирование уступает по эффективности свежему и наивному восприятию. При рубрифицированном восприятии реакция человека на объект детерминирована лишь наиболее очевидными его характеристиками, которые, однако, не всегда отражают существо явления. Таким образом, рубрификация открывает дорогу к ошибкам восприятия.

Ошибки восприятия особенно опасны еще и по той причине, что рубрифицирующее восприятие не оставляет возможности для исправления ошибок. То, что однажды попало под рубрику, как правило, остается там навсегда. Человека, однажды отнесенного к той или иной категории, к тому или иному типу, мы всегда будем воспринимать как представителя данной категории, данного типа. Если его поведение будет противоречить стереотипам того класса, к которому мы отнесли его, то это не станет поводом для пересмотра нашей классификации, мы склонны будем истолковать данный случай как исключение и не придавать ему большого значения. Например, если однажды мы решим для себя, что какой-то человек нечестен, то, оказавшись с ним за карточным столом, мы будем стараться подловить его на шулерстве. Если же наши попытки окажутся безуспешными, мы вряд ли изменим свое представление о нем, мы будем по-прежнему называть его жуликом, мы объясним его честность в этой игре какими-то особыми причинами, причинами *ad hoc*, например, страхом разоблачения, ленью, неважно чем. Если мы однажды отнесли его в категорию жуликов, то наша убежденность относительно его нечестности не пошатнется даже в том случае, если нам никогда не удастся поймать его за руку, – скорее всего мы скажем себе, что этот жулик боится нас и потому честен с нами. Поведение человека, противоречащее стереотипу, предписанному ему его рубрикой, мы сочтем забавным, занятным, то есть нехарактерным для него, не отражающим его сущность. Считается, что китайцы – существа загадочные и непроницаемые, и если мы разделяем это представление, то даже вид хохочущего китайца не заставит нас изменить нашего мнения об этой нации, мы отнесем к этому конкретному человеку не как к весельчаку, а как к странному, особому китайцу. Мне думается, что концепция стереотипизации (или рубрификации) может помочь нам ответить на извечный вопрос – почему люди поддаются обману, если правда столь очевидна? Я знаю, что некоторые ученые объясняют невосприимчивость к правде механизмом подавления или, если говорить более общо, видят в ней результат действия мотивационных сил. Такое объяснение, несомненно, имеет право на существование, вопрос лишь в том, вся ли это правда или только часть правды. Как показывают данные наших исследований, слепота к истине может иметь под собой и другие основания.

Чтобы понять, какое насилие мы совершаем над реальностью, воспринимая ее сквозь призму сложившихся стереотипов, достаточно попытаться представить себя ее частью. Евреи и негры уже наверняка поняли, о чем я пытаюсь сказать, но если вы не тот и не другой, то я спешу напомнить вам, что объектом рубрифицирующего восприятия может стать любой человек. Для примера достаточно вспомнить высказывания типа: "Это всего-навсего официант" или: "Это один из тех самых Джонсов". Каждый человек убежден в своей уникальности, в своей непохожести на остальных людей, и потому бывает оскорблен, когда ему отказывают в праве на индивидуальность. Наверное,

невозможно сказать об этом лучше, чем это сделал Уильям Джеймс: "Первое, что делает разум с вещью, это сопоставляет ее с другими вещами. Только важный объект, только тот, который пробуждает в нас любовь, мы воспринимаем и ощущаем как уникальный, как *sui generis*. Легко представить себе возмущение краба, прознавшего, что мы относим его к классу ракообразных. "Я не ракообразный! – вскричал бы он. – Я краб и только краб!" (212, p.10).

РУБРИФИКАЦИЯ В ОБУЧЕНИИ

Если человек пытается решить актуальную проблему с помощью готового набора решений, можно говорить о шаблонности его мышления. Решение проблемы с помощью шаблона проходит два этапа: 1) отнесение конкретной проблемы к определенной категории проблем, и 2) выбор решения, наиболее эффективного для данной категории проблем. Таким образом, мы вновь имеем дело с классификацией или рубрификацией.

Одна из тенденций, свойственных рубрификации, проявляющаяся и в процессах внимания, и в восприятии, и в мышлении, и в экспрессивных актах, с наибольшей наглядностью проступает в феномене привычки. Эту тенденцию можно назвать стремлением "заморозить реальность".⁵² Мы знаем, что реальность находится в вечном, непрерывном движении. Теоретически, в мире нет ничего постоянного (хотя в практических целях многие вещи подлежат рассмотрению вне динамики), и если следовать этой теории, то мы должны признать, что всякий опыт, всякое событие, всякое поведение так или иначе, в том или ином своем качестве (либо существенном, либо несущественном) отличаются от любого другого опыта, события и поведения, уже представленных или еще не представленных в реальности.⁵³

Этот базовый, непреложный факт, как неоднократно подчеркивал Уайтхед, должен стать основой и житейского здравого смысла, и научной теории, и философии науки в целом. Но мы почему-то склонны забывать о нем. Несмотря на то, что стараниями древних мудрецов и философов наука освободилась от архаичного представления о предвечной и неизменной материальности изначально пустого пространства, в быту, в наших житейских малонаучных поступках это представление до сих пор живо. Факт изменчивости мира, его непостоянства и движения признается нами только на словах и не вызывает у нас радостного энтузиазма. Мы по-прежнему в глубине души остаемся верными последователями Ньютона (287).

Таким образом, всякую реакцию, названную нами рубрифицированной, можно считать "попыткой заморозить, запретить постоянное изменение окружающей реальности, предпринимаемой для удобства взаимодействия с ним", как если бы изменчивость чем-то мешала этому взаимодействию. Наверное, самым наглядным воплощением этой тенденции есть дифференциальное исчисление – ловкий прием, изобретенный математиками-атомистами, позволяющий им рассматривать движение и изменение в статичном виде. Однако в контексте нашей проблематики более уместными будут примеры из области психологии. Очевидно, что привычка, как, собственно, любая разновидность репродуктивного научения, может послужить прекрасным примером вышеописанной тенденции, свойственной ограниченным, ригидным людям. Неспособные взаимодействовать с постоянно меняющейся реальностью, они с помощью привычек

пытаются ограничить ее.

Похоже, нам следует согласиться с Джеймсом, определившим привычку как консервативный механизм (211). Тому есть несколько оснований. Во-первых, привычка, как всякая условная реакция, уже самим фактом своего существования блокирует формирование других реакций на актуальную проблему. Но есть и другое, не менее важное основание, которое, несмотря на его важность, редко учитывают сторонники теории научения. Я говорю о том, что процесс научения – это не только выработка тех или иных мышечных реакций и навыков, но также и процесс формирования аффективных предпочтений. Когда ребенок учится говорить, он не только осваивает навыки произношения и понимания слов, одновременно с этим он приобретает основания для предпочтения родного языка (309).54

Научение нельзя считать эмоционально нейтральным процессом. Мы не можем сказать: "Если мы научаемся неверной реакции, мы всегда можем отказаться от нее и заменить ее на адекватную реакцию". Процесс научения всегда требует от нас определенных эмоциональных и личностных трат, и в какой-то мере мы становимся рабами приобретенного навыка. Очевидно, что если вы хотите научиться говорить по-французски, но у преподавателя, который берется обучить вас, дурное произношение, то вам лучше не торопиться, а постараться подыскать учителя получше. Следуя этой же логике, нам не следует соглашаться с чрезмерно легким, поверхностным отношением к научной теории, воплощенным в расхожей поговорке: "Лучше ложная теория, чем никакая". Если вышеприведенные рассуждения хоть сколько-нибудь верны, то все не так просто, как кажется некоторым ученым, очень может быть, что лучше и не мнить себя тружеником науки, если становишься рабом ложного посыла. Как гласит испанская мудрость: "Паутина привычек крепче железных оков".

Мне бы не хотелось, чтобы вы подумали, что я критически отношусь к самому процессу научения, мой критицизм распространяется только на научение атомистическое и репродуктивное, то есть на такой вид научения, при котором человек запоминает и воспроизводит изолированные ad hoc реакции. К сожалению, слишком многие психологи склонны рассматривать только этот тип научения, словно это единственный механизм, с помощью которого прошлый опыт может влиять на реальные проблемы, встающие перед человеком, словно взаимодействие прошлого с настоящим ограничивается лишь механическим воспроизведением прошлого опыта для решения актуальной проблемы. Наивность такой точки зрения очевидна. Ведь самые важные уроки, из тех, что преподносит нам жизнь, ни в коей мере не атомистичны, не репродуктивны. Самое важное влияние прошлого опыта и самый важный тип научения, – это научение характеру или сущностное научение (311а). В процессе этого научения прошлый опыт формирует саму характерологическую структуру индивидуума. Человек не копит опыт как монеты в копилке; если в опыте есть хоть что-то существенное, то опыт изменяет самого человека. Так, трагическое переживание способствует обретению зрелости, мудрости, терпимости, мужественности, способности решить любую проблему взрослой жизни. (В соответствии же с классической теорией научения, опыт не дает индивидууму ничего, кроме некой техники разрешения определенной проблемной ситуации, например, ситуации смерти матери.) Такой тип научения куда как более важен, полезен

и поучителен, нежели классические примеры научения, вроде слепой ассоциации между бессмысленными слогами, – эти эксперименты, на мой взгляд, страшно далеки от реальной жизни.⁵⁵

Если жизнь – это непрерывное движение, непрерывный процесс, то каждый ее миг непохож на все, что было раньше, он нов и уникален. Теоретически, любая проблема, встающая перед человеком, – это новая проблема. Согласившись с неповторимостью каждого мгновения жизни, мы должны будем согласиться и с тем, что типичной можно считать каждую проблему, которая еще не стояла перед индивидуумом и которая существенно отличается от любой другой проблемы. И наоборот, проблему, схожую с прошлыми проблемами, согласно этой же теории, следует рассматривать как особый случай, как исключение из правила. Если наш подход верен, то апелляция к прошлому опыту и использование готовых ad hoc решений могут быть так же опасны, как и полезны. Я убежден, что будущие исследователи подтвердят не только теоретическую, но и практическую правоту этого предположения. Во всяком случае, каких бы теоретических взглядов мы ни придерживались, приходится признать, что, по крайней мере, некоторые жизненные проблемы новы и потому им следует искать новых решений.⁵⁶

С биологической точки зрения навыки (они же привычки) играют двоякую роль в адаптации – они так же необходимы, сколь и вредны. В основе всякого навыка лежит ложный посыл, заключающийся в том, что мир постоянен, неизменен, статичен, но, несмотря на это, мы продолжаем считать навыки одним из самых эффективных средств адаптации к изменчивым, непостоянным условиям существования. По сути своей навык – это сформированная реакция на ситуацию, это однажды найденное решение проблемы, готовый ответ на вопрос. С момента обретения навыка человек становится инертным, он сопротивляется изменениям.⁵⁷ Очевидно, что изменения актуальной ситуации требуют от индивидуума изменения его реакции на нее или, по крайней мере, готовности модифицировать свои реакции. В таком случае неадекватный навык может нанести индивидууму больший вред, чем отсутствие всякой реакции, хотя бы потому, что навык препятствует формированию новых реакций, адекватных изменившейся ситуации. В этом же ключе рассуждает и Бартлетт о требованиях внешней среды. Он заявляет, что внешняя среда "характеризуется как изменчивостью, так и постоянством, и потому она диктует различные формы приспособления, но в любом случае не позволяет начать с нуля". (33, р. 224).

Для того, чтобы несколько прояснить этот парадокс, рассмотрим его под иным углом зрения. Мы вправе со всей уверенностью заявить – адаптивное значение навыков и привычек состоит в том, что они помогают нам сберечь время, энергию и силы при повторном столкновении с проблемой. Если проблема каждый раз предстает перед нами в одном и том же обличьи, нет нужды искать ей новое решение – мы можем воспользоваться прежним, однажды выработанным и проверенным решением, которое предоставляют нам архивы нашего опыта. Примем следующее определение навыка. Навык – это реакция на повторяющуюся, неизменную, знакомую проблему. Навык можно назвать реакцией с условием – "с условием, что мир статичен, неизменен и постоянен". Считаю необходимым настаивать именно на таком определении навыка хотя бы потому,

что очень многие психологи рассматривают навык как исключительно адаптивный механизм, придавая тем самым чрезмерно большое значение феномену повторяемости.

Спору нет, в большинстве случаев подобный подход вполне оправдан, так как многие проблемы, с которыми сталкивается человек в своей повседневной жизни, действительно повторяемы, действительно знакомы. Так называемые высшие формы деятельности – мыслительная, изобретательская, творческая – возможны только в том случае, если человек имеет в своем арсенале определенный набор навыков, который позволяет ему автоматически расправляться с мелкими, бытовыми проблемами и направлять свою энергию на решение более высоких проблем. Но здесь кроется одно противоречие, быть может, даже парадокс. На самом деле мир ни в коем случае не статичен; повторяемость некоторых явлений еще не может служить доказательством его неизменности. Мир находится в непрерывном движении, он всегда нов, он постоянно меняет свои формы и очертания. На мой взгляд, нет абсолютно никакой нужды спорить о том, в какой мере эта изменчивость присуща всем аспектам реальности, – мы сможем избежать ненужных метафизических дебатов, если согласимся, что некоторые аспекты реальности более-менее постоянны, в то время как другие – более-менее изменчивы. Если мы согласимся с этим посылом, то нам придется согласиться и с тем, что сколь бы полезными ни были привычки и навыки при взаимодействии с постоянными аспектами реальности, они становятся несомненным препятствием и даже помехой для эффективного взаимодействия организма с неустойчивыми, изменчивыми аспектами реальности.⁵⁸

На этом этапе наших размышлений мы вновь сталкиваемся с парадоксом. Навыки одновременно и необходимы и опасны, и полезны и вредны. Они, безусловно, помогают нам экономить время и энергию, но какой ценой! Они служат основным средством адаптации и при этом затрудняют ее. Навык предоставляет нам готовое решение проблемы, но в конечном итоге препятствует ясному, оригинальному мышлению, то есть мешает найти решение новой проблемы. Помогая нам в адаптации, навык, в то же самое время, ограничивает изобретательность и креативность мышления, то есть не позволяет нам приспособить мир к себе. И наконец, навыки позволяют нам лениться, подменяя собой истинное внимание, истинное восприятие, обучение, мышление.⁵⁹

Хочется отметить, что наличие определенной классификации (определенной точки отсчета) облегчает процесс репродуктивного запоминания. Экспериментальные подтверждения этого тезиса можно найти в прекрасной работе Бартлетта (33). Превосходна также и книга Шахтеля (410). Я приведу лишь один пример, который каждый из вас может примерить на себя. Мне пришлось какое-то время прожить в индейской резервации, где мы проводили полевые эксперименты. Я жил бок о бок с индейцами и неожиданно для себя обнаружил, что, несмотря на все свои старания, никак не могу заучить полюбившиеся мне индейские песни. Сколько бы раз я ни пел их вместе с индейцами, через пять минут, оставшись наедине с собой, я не мог вспомнить ни одного слова из них. У человека с хорошей музыкальной памятью этот факт, конечно же, вызовет недоумение, – его можно объяснить, только огромным своеобразием индейской музыки: представитель другой, не индейской культуры просто не в состоянии найти систему координат, с которой можно было бы соотнести эту музыку. Можно

привести пример попроще. Известно, что англоговорящему человеку гораздо легче выучить испанский, немецкий или французский язык, нежели какой-нибудь из славянских языков, например, русский. В первых трех языках очень многие слова имеют корни, общие или созвучные с корнями английских слов, и потому англоговорящий человек имеет возможность поместить их в свою систему координат. Другое дело русский язык – он настолько отличается от английского, что изучить его очень и очень непросто.

РУБРИФИКАЦИЯ В МЫШЛЕНИИ

Рубрификация проявляет себя в сфере мышления" следующими феноменами: 1) стереотипные подходы к решению проблем, неспособность воспринять новизну проблемы, стремление придать ей знакомые формы; 2) механическое использование привычных техник для решения новых проблем; 3) склонность подходить к любой проблеме, к любому вопросу с набором готовых решений и ответов. Если человек проявляет перечисленные выше три тенденции, то мы можем с полной уверенностью утверждать, что его мышление тривиально.⁶⁰

Эти тенденции настолько присущи человеку, человек так подвержен им, что даже чуткий, умный психолог Бергсон полагал, что основной функцией интеллекта служит рубрификация. Вот его слова: "Интеллект – это способность находить взаимосвязь явлений, способность уловить их повторяемость, а при необходимости и продуцировать ее". (46, р. 59). "Объяснить нечто – значит увидеть в новом и непредвиденном элементы старого и знакомого, организованные в новом порядке. Интеллект не признает абсолютной новизны, разве в состоянии он постичь сущность жизни..." (46, р. 181). "...мы смотрим на живое остановившимся взглядом, мы видим в изменчивой реальности прочность и незыблемость. Только расчлененное, недвижимое, безжизненное не вызывает у нас тревоги. Интеллект от природы не способен постичь жизнь" (46, р. 182). Вдумайтесь в эти слова, и вы поймете, что сила интеллекта самого Бергсона со всей убедительностью опровергает его категоричные выводы.

Стереотипные проблемы

Человек с ярко выраженной склонностью к рубрификации при столкновении с проблемой пытается уйти от столкновения, старается не заметить проблему. Самые крайние формы эта тенденция принимает у компульсивно-обсессивных невротиков. Любая неожиданность вызывает у них страх, и потому они прикладывают массу усилий к тому, чтобы всесторонне регламентировать и упорядочить свою жизнь. Любая проблема, требующая нестандартного решения, то есть уверенности в себе и мужества, воспринимается ими как угроза.

Если уклониться от столкновения с реальностью не удастся, если человек вынужден посмотреть проблеме в лицо, то первое, что он пытается предпринять – это применить по отношению к ней свою классификацию проблем, пытается опознать ее (только знакомое не вызывает у него тревогу). Он задается вопросом: "На какую проблему из тех, что мне уже знакомы, похожа эта проблема?", то есть пытается решить, в какие рамки поместить данную проблему, какой ярлык наклеить на нее. Несомненно, в основе реакции категоризации лежит восприятие сходства. Я не хочу сейчас углубляться в

довольно сложную проблему сходства; считаю нужным лишь отметить, что восприятие сходства, как правило, игнорирует уникальные свойства явления, его самобытную природу. Доказательством этому служит тот факт, что разные люди, подходя к одному и тому же явлению с разными мерками, умудряются отнести его к совершенно разным, порой противоположным, категориям. Таким людям не суждено узнать, что реальность куда как шире тех рамок, в которые они тщатся поместить ее, они не замечают, что их попытки классификации неизбежно урезают, ограничивают и выхолащивают существо явления.

Одна из лучших работ, посвященных данной проблематике, принадлежит перу Крукшанка (97). Автор предпринимает попытку анализа проблем, связанных с медицинской диагностикой. Клинические психологи прекрасно знают, чем чреват таксономический подход, которым грешат многие психиатры.
Стереотипные техники

Одно из главных преимуществ рубрификации состоит в том, что если Категоризация проблемы произведена успешно, то человек получает возможность автоматического использования готовых техник решения данной проблемы. Но это – не единственная причина, толкающая нас на рубрификацию. Рубрификация имеет в своем основании глубинную мотивацию, подтверждением чему может послужить хотя бы тот факт, что терапевты, как правило, предпочитают иметь дело со знакомой, пусть даже и неизлечимой, болезнью, нежели с непонятной симптоматикой.

Если человеку неоднократно приходилось сталкиваться с одной и той же проблемой, то у него была возможность до тонкостей отработать механизм ее решения. Механизм вычищен, смазан и всегда под рукой. Иначе говоря, человеку проще действовать привычными методами, использовать отработанные навыки. Мы уже говорили о том, что у навыка есть как положительные, так и отрицательные стороны. Среди преимуществ навыка вновь отметим тот факт, что навыки помогают человеку сберечь время и силы, делают возможным автоматическое решение несущественных проблем, снижают вероятность тревожных реакций и т.п. Отрицательными последствиями навыка выступают утрата гибкости и адаптивности, отказ от творческой изобретательности. Очевидно, что эти негативные последствия вызваны нежеланием индивидуума признать изменчивость мира.

В этом отношении очень любопытны эксперименты Лачина (279), изучавшего эффект установки.
Стереотипные умозаключения

Пожалуй, самым известным примером данного процесса есть феномен рационализации. В контексте нашей дискуссии рационализацию можно определить как подход к реальности с уже готовым представлением или суждением о ней, как интеллектуальную активность, направленную на обоснование заранее сделанных выводов. ("Он плохой человек, и я докажу это".) Рационализация внешне похожа на разновидность мыслительной деятельности, но по существу ее нельзя назвать мышлением в лучшем понимании этого слова, ибо результат этой деятельности предрешен, приговор заранее

известен и не подлежит отмене. Скептически поднятая бровь, разговор на повышенных тонах, нервозность во время выступления оппонента – все это как дымовая завеса над реальностью; человеку нет нужды мыслить, если ему заведомо известен ответ на все вопросы. Зачастую это отношение к истине даже не облачено в интеллектуальные одежды: человек просто верит или убежден, ему в тягость даже изображать из себя мыслящее существо. Вера требует еще меньше усилий, чем рационализация.

Есть люди, которые до глубокой старости руководствуются готовым набором представлений, приобретенным ими в первые десять лет жизни, не считая нужным хотя бы чуть-чуть скорректировать их. Такие люди могут иметь довольно высокий IQ, они могут даже трудиться на ниве науки, старательно, крупную за крупной подбирая данные, подтверждающие давно сложившиеся в его голове концепции. Споры нет, такого рода деятельность может представляться даже полезной, и все-таки психологам уже пора выработать определения, которые позволили бы с большей четкостью различать продуктивное, творческое мышление и самые изощренные формы рационализации. Положительные аспекты рационализации несоизмеримы с тем огромным вредом, который она наносит человеку, отнимая у него возможность видеть реальность, порождая невосприимчивость к новому, искажая восприятие и память, делая его неспособным к адаптации в изменчивом мире.

Впрочем, рационализация – не единственный способ рубрификации. Примером рубрификации может стать и использование актуальной проблемы в качестве стимула, порождающего ряд ассоциаций, из которых впоследствии выбирается наиболее удобная ассоциация.

Рубрифицирующее мышление особенно тесно связано с репродуктивным научением. Три перечисленные нами формы стереотипизации можно рассматривать в качестве особых разновидностей привычки. В каждой из них содержится явная апелляция к прошлому опыту. Решение проблемной ситуации сводится к особой технике классификации, в результате чего любая новая проблема решается в свете прошлого опыта. Мыслительная активность в этом случае ограничена одним лишь перебором и перегруппировкой воспоминаний и некогда приобретенных навыков.

Достаточно вспомнить, что холистично-динамичное мышление мы связывали в большей мере с процессами восприятия, а рубрифицирующее – с процессами памяти, и тут же контраст между этими двумя способами мышления станет особенно очевидным (225, 465). Человек, мыслящий холистично, старается как можно точнее и правдивее воспринять реальность. С точки зрения Вертхаймера (465), такого рода восприятие направлено на внутреннюю природу проблемы, а Катона (225) называет его "попыткой увидеть решение внутри проблемы".⁶¹ Человек исследует проблему со всей возможной тщательностью, оставляя за ней право на уникальность и особость. Он пытается выведать ее тайну, распознать ее внутреннюю природу. Ассоциативное мышление, напротив, сопоставляет и сравнивает проблему с другими, уже знакомыми проблемами.⁶²

Это не означает, что человек не использует свой прошлый опыт. Разумеется, он

использует его, но совершенно иначе, чем при ассоциативном научении. Прошлый опыт не становится тормозом его развития, напротив, он гармонично вплетается в процесс внутреннего, сущностного обучения, способствует "дочеловечиванию" индивидуума, помогает ему стать тем, чем он может стать (311а).

Нет нужды отказываться в праве на существование и ассоциативному способу мышления. Вопрос в том, какой из двух типов мышления следует использовать в качестве парадигмы, в качестве идеальной модели мышления. Теоретики холистически-динамического направления полагают, что само понятие "мыслительная активность", если оно имеет под собой хоть какой-то смысл, уже по определению подразумевает креативность, нестандартность, оригинальность и изобретательность. Мышление – это орудие, с помощью которого человечество создает нечто новое, следовательно, мышление должно содержать в себе элемент революционности, должно обладать способностью время от времени опровергать сложившиеся представления и концепции. Но если оно вступает в конфликт со сложившимся ходом вещей, если оно опровергает интеллектуальный status quo, оно поневоле становится противоположно привычке, навыку, памяти, то есть всему известному, знакомому и понятному, – противоположно по той простой причине, что оно по определению должно противостоять известному и понятному. Опыт и навыки позволяют нам действовать автоматически, реагировать на ситуацию знакомыми, привычными действиями, они освобождают нас от необходимости мыслить. С этой точки зрения мышление скорее противоположно научению, нежели параллельно ему. Если мне будет позволено небольшое преувеличение, я бы сказал, что мышление – это не что иное, как способность разрушать сформированные навыки и перечеркивать накопленный опыт.

Истинно креативное мышление, примеры которому предоставляют нам величайшие достижения человечества, составляющие его гордость, характеризуется еще одним динамическим аспектом. Ему свойственна решительность, дерзость, смелость. Даже если эти слова и не совсем уместны в данной связи, они достаточно точно передают смысл характеристики, о которой я веду речь, в этом легко убедиться, если сравнить, например, робкого ребенка со смелым ребенком. Робкий ребенок льнет к матери, которая становится для него олицетворением привычного и безопасного, тогда как смелый ребенок имеет возможность оставить мать и привычную обстановку, чтобы активно исследовать мир. Так же как робость приковывает ребенка к матери, так же привычка сковывает мыслительный процесс. Смелый мыслитель – согласитесь, в этом словосочетании есть некоторая избыточность, это все равно, что сказать "мыслящий мыслитель", – бесстрашно перешагивает через свои предубеждения, навыки, ожидания и стереотипы, бросает дерзкий вызов традициям и условностям. Он не скован опытом, не испытывает тревоги или опасения, покидая привычную, безопасную гавань.

В качестве еще одного примера стереотипного мышления можно привести ситуацию, когда человек формирует свою точку зрения или мнение относительно какого-то явления путем подражания и/или исходя из соображений престижа. Готовность к такому мышлению почему-то принято считать свидетельством здравомыслия, хотя, на мой взгляд, правильнее было бы отнести ее к классу проявлений слабой психопатологии, поскольку в основе ее лежит либо тревога, либо конформизм, либо

элементарная лень ума. По сути, эта готовность представляет собой неспособность или нежелание воспринять неструктурированную ситуацию и составить свое мнение о ней.⁶³

Может статься, что большая часть расхожих умозаключений по самым важным проблемам жизни представляет собой не что иное, как именно этот тип стереотипизации. Рассуждая о чем-либо существенном, мы всегда какой-то частью рассудка учитываем, что думают по этому поводу другие люди, и сообразно их мнению формируем свою точку зрения. Очевидно, что такое "мнение" нельзя назвать мыслью в истинном смысле этого слова, так как оно не продиктовано природе самой проблемы, а служит простым отражением точки зрения тех людей, которым мы доверяем больше, чем себе.

Возможно, именно здесь кроется ответ на вопрос, почему наша система образования никак не может приблизиться к провозглашаемым ею целям. Удержусь от подробного анализа недостатков традиционной системы образования, скажу лишь, что она не учит детей самостоятельному и непосредственному познанию реальности. Наша система образования вручает ребенку рейсшину и микроскоп и рассказывает ему, как прикладывать рейсшину к реальности и как препарировать бытие. При этом на ребенка обрушивают неисчислимое количество незыблемых правил и установлений закона, предписывающих ему, во что верить, что любить, чего бояться, по поводу чего чувствовать себя виноватым. Наша система образования не поощряет индивидуальность ученика, не вдохновляет его на самостоятельный поиск истины, внушает неприятие к отступничеству и инакомыслию. Столь же стереотипна и система высшего образования, чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть учебный план любого колледжа или университета. В нем все богатство и многообразие изменчивого и загадочного мира предстает в виде трех апельсинов-семестров, каждый из которых дивным умыслом составителей имеет пятнадцать долек, которые нужно употребить в течение пятнадцати учебных недель, одну за другой.⁶⁴ Если возможен совершенный образец рубрификации – рубрификации, не продиктованной реальностью, а навязанной ей, – то он перед вами. (Однако нужно признать, что в настоящее время уже появляются первые ростки того, что можно назвать "параллельной системой образования" или "гуманистическим образованием", которое пытается избежать ошибок, свойственных традиционной системе образования. Фамилии, адреса и т.п. можно найти в Eupsychian Network (295, pp. 237-240).)

Все сказанное выше достаточно очевидно, беда лишь в том, что мы плохо понимаем, что делать с этим. Одним из способов преодоления рубрифицированности мышления может стать отказ от абстрактного, понятийного мышления, перенесение акцента познания на непосредственное восприятие конкретной реальности. Пожалуй, никто не сумел сказать об этом лучше Уайтхеда.

"Главный упрек, который я хочу предъявить традиционным методам обучения, состоит в том, что в них слишком много внимания уделяется интеллектуальному анализу и заучиванию информации. За этими занятиями мы забываем воспитывать у человека способность к конкретному восприятию оригинальных фактов и взаимодействия их

скрытых значений, мы снабжаем его набором абстрактных формул, которые игнорируют саму возможность взаимодействия различных значений.

Современная система образования непомерно большое внимание уделяет изучению абстракций, тщательно расчленяя одни и поверхностно обзревая другие. Мы завязли в схоластической рутине, в спорах о том, какая из абстракций наиболее конкретна. Образование должно развивать способность к конкретному постижению, оно не должно подавлять свойственное юности стремление к деянию. Бесспорно, образование должно задействовать наши аналитические способности, но лишь в той мере, чтобы показать нам, что разные сферы реальности требуют разного подхода. Первый человек в райских кущах сначала увидел животных и только потом дал им имена; наши дети узнают название животного до того, как впервые видят его.

Грешит однобокостью и наша система профессионального образования. Она устремлена к развитию интеллекта, главным средством к достижению этой цели становится учебник. Совершенно забыта другая сторона образования – развитие интуиции, способности постижения истины путем непосредственного ее усмотрения. Интуиция предполагает мгновенное постижение и позволяет обойтись без изнурительного анализа, опустошающего и выхолащивающего реальность. Идеальный тип обобщения, к которому мы должны стремиться, – это постижение многогранности мира". (475, pp. 284-286)

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ И НЕХОЛИСТИЧНОЕ ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЕ

Построение теории обычно подразумевает процедуру селекции, а это, в свою очередь, означает, что теория призвана сделать более выпуклыми и очевидными одни аспекты мира и менее очевидными другие. Всякая нехолистичная теория представляет собой попытку рубрификации или классификации. Однако никому еще не удалось создать универсальной классификации, которая смогла бы объять собой все существующие в природе феномены; всегда найдется нечто, не укладывающееся в рамки класса, или занимающее промежуточное положение между четко разграниченными рубриками, или нечто такое, что можно отнести сразу к нескольким рубрикам.

Кроме того, нехолистичной теории почти всегда свойственны попытки абстрагироваться от конкретного содержания феномена, она всегда старается подчеркнуть часть его характеристик, с ее позиций особо важных и значимых. В результате этого характеристики, не попавшие в поле зрения теории, лишаются законного права на существование, и вместе с ними законного права на существование лишается и часть истины. Нехолистичная теория всегда препарировывает реальность, исходя из неких прагматических соображений, и потому любую из них в лучшем случае можно счесть лишь одним из фрагментов общей картины реальности. Но даже комбинация всех существующих теорий не может дать нам целостного представления о мире. Богатство и разнообразие мира гораздо чаще открываются человеку при помощи непосредственного восприятия, на которое в полной мере способны скорее люди с художественным

мировосприятием, эмоционально открытые индивидуумы, чем ученые интеллектуалы и теоретики. Я готов допустить, что способность к постижению всех сторон конкретного феномена в наиболее полном виде и наиболее совершенным способом проявляется в так называемых мистических переживаниях.

Приведенные здесь соображения помогают нам обнаружить одну из важнейших особенностей индивидуального опыта, а именно – его принципиальную антиабстрактность. Антиабстрактность не равнозначна той конкретности восприятия, о которой писал Гольдштейн. Люди, страдающие органическими поражениями мозга, восприятие которых предельно конкретно, на самом деле не способны воспринять всех чувственных характеристик объекта. Они способны разглядеть в предмете только ту характеристику, которая существенна для конкретной ситуации. Так, например, бутылка вина для них – это только бутылка вина и ничего более; они не в состоянии увидеть в ней элемент интерьера или средство самообороны, или пресс-папье, или огнетушитель. Если определить абстрагирование как селективное внимание к одним свойствам объекта в ущерб множеству других, неважно, какими причинами продиктована эта избирательность, то мы вправе назвать пациентов Гольдштейна людьми, склонными к абстрагированию.

Таким образом можно заключить, что вышеназванные способы познания реальности, в известной мере, противоположны друг другу. И в самом деле, стремление к классификации опыта может мешать его осмыслению, а стремление извлечь выгоду из опыта может лишить человека радости познания. Только некоторые из психологов обратили внимание на этот факт, но зато о нем в один голос говорят все исследователи мистических и религиозных переживаний. Олдос Хаксли, например, пишет: "Человек взрослеет, и его знание о мире становится все более концептуализированным и систематизированным. Человек накапливает огромный багаж фактов утилитарного содержания. Но эти приобретения возможны только за счет ухудшения качества мгновенного постижения, за счет притупления и утраты интуитивных способностей" (209).65

Однако, постижение многообразия природы – далеко не единственная и уж никак не самая насущная с биологической точки зрения форма наших взаимоотношений с ней, и поэтому было бы глупо походя отвергать необходимость теорий и абстракций, какими бы опасностями они не грозили человеку. Их преимущества огромны и очевидны, особенно с точки зрения коммуникации и практического взаимодействия с миром. Если бы я вознамерился раздавать рекомендации, то первая из них звучала бы так: если ученый, мыслитель, интеллектуал, теоретик осознает, что когнитивные процессы – вовсе не единственно возможное средство постижения реальности, то его движение к знанию станет гораздо более мощным, гораздо более продуктивным. Арсенал исследователя может и должен включать в себя все многообразие методов постижения истины. Мы без сожаления уступаем часть из них поэтам и художникам, не понимая, что тем самым закрываем перед собой двери, ведущие к тем аспектам реальности, постижение которых невозможно средствами абстрагирования и интеллектуализации.

В Приложении В приведена аргументация, которая позволяет нам предполагать

принципиальную возможность холистического теоретизирования, возможность построения такой теории, которая не будет расчленять реальность на отдельные, изолированные, никак не связанные друг с другом составляющие, которая будет рассматривать различные феномены во всей совокупности их взаимосвязей, как грани целого, неотделимые от целого, как фигуры на общем фоне реальности, как разные стадии приближения к единой истине.

ЯЗЫК И НАЗВАНИЯ

Язык – это превосходное средство восприятия и передачи номотетической информации, то есть превосходное средство рубрификации. Безусловно, язык также пытается выразить и передать самобытные, идеографические аспекты реальности, но эта его попытка чаще всего оказывается безуспешной.⁶⁶ Единственное, что может сделать слово с самобытным переживанием – дать ему название, которое в конечном счете не описывает и не выражает его, а лишь обозначает, определяет, приклеивает к нему ярлык. Познание самобытного, единственного в своем роде возможно лишь посредством полного и самостоятельного переживания. Ярлык, прикрепленный к такому переживанию, не помогает его постижению, напротив, он заслоняет реальность, не позволяя воспринять и постигнуть ее в полном объеме.

Один профессор, прогуливаясь проселочной дорогой со своей женой-художницей, увидел незнакомый цветок. Цветок восхитил его своей красотой, и он спросил у жены, как он называется. "Зачем тебе название? – засмеялась жена. – Ты ведь утратишь к цветку интерес, стоит мне только сказать, как он называется".⁶⁷

Чем успешнее языку удастся отнести конкретный опыт к той или иной рубрике, тем более плотной вуалью укрывает он наш взгляд на реальность. Мы дорого платим за те преимущества, которые дает нам язык. Поэтому всякий раз, когда мы в силу необходимости пользуемся словом, мы должны отдавать себе отчет в том, что язык неизбежно ограничивает наше восприятие, и должны стараться минимизировать эти последствия.⁶⁸

Если все сказанное верно даже в отношении поэзии, даже в отношении лучшего, на что способен язык, что уж тут говорить о случаях, когда язык даже не претендует на самобытность, когда он представляет собой ограниченный набор стереотипов, банальностей, лозунгов, призывов, слоганов, клише и эпитетов. Очевидно, что такой язык может исполнять только одну функцию – функцию оглупления и одурачивания человека, такой язык притупляет восприятие, заглушает мысль и в конечном итоге становится тормозом интеллектуального роста и духовного развития. Про такой язык нельзя сказать даже, что он исполняет коммуникативную функцию, скорее он служит сокрытию мысли.

Язык обладает еще одним свойством, которое не может не вызывать беспокойства. Я говорю о том, что язык как таковой или, по крайней мере, отдельные слова не

подчиняются законам времени и пространства. За многие века своего существования слово "Англия", например, не претерпело никаких изменений – в отличие от государства оно все это время не увеличивалось и не уменьшалось, не эволюционировало, не дряхлело и не омолаживалось. Но что же нам делать, если слово не отражает временных и пространственных изменений, которыми характеризуется любое явление реальности? И как в таком случае понимать девиз "Англия навсегда"? По меткому выражению Джонсона, "действительность пишет свою историю быстрее, чем успевает возвестить о ней язык. Структура языка гораздо менее подвижна, чем структура реальности. Раскаты грома, доносящиеся до нашего уха, представляют собой лишь отголоски уже отсверкавшей молнии, точно так же и реальность, о которой мы говорим, уже канула в небытие". (215, р. 119)